

ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА: СЕМАСИОЛОГИЧЕСКИЙ,
КОГНИТИВНЫЙ, КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ,
ДИСКУРСИВНЫЙ АСПЕКТЫ

*ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА: ПОНЯТИЯ,
ЕДИНИЦЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ*

Г.Н. Манаенко

*Ставропольский государственный
педагогический институт*

КАРТИНА МИРА – ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА:
СМЫСЛЫ – ЗНАЧЕНИЯ

В современной лингвистической науке разграничиваются образ (картина) мира в сознании членов определенного лингвокультурного сообщества и языковая картина мира как результат описания системного устройства того или иного естественного языка. В неявной форме это положение находило свое воплощение в трудах многих исследователей, в частности у Р.И. Павилёниса: «Еще до знакомства с языком человек в определенной степени знакомится с миром, познает его; благодаря известным каналам чувственного восприятия мира он располагает определенной (истинной или ложной) информацией о нем, различает и отождествляет объекты своего познания. Усвоение любой новой информации о мире осуществляется каждым индивидом на базе той, которой он уже располагает. Образующаяся таким образом система информации о мире и есть конструируемая им концептуальная система как система определенных представлений человека о мире. Построение такой системы до усвоения языка есть невербальный этап ее образования. На этом этапе человек знакомится с объектами, доступными непосредственному восприятию.

Знакомство с языком для такой системы, как и знакомство с любым другим объектом познания, предполагает различение и отождествление его выражений. Оно означает построение определенной информации о нем как определенном объекте, что возможно только на базе информации, которая уже содержится в концептуальной системе. Таким образом, информация,

содержащаяся в концептуальной системе, служит как для восприятия (выделения в мире) определенных объектов, так и для выделения языка как особого объекта: осуществляемое концептуальной системой их соотнесение есть кодирование языковыми средствами определенных фрагментов, «кусков» концептуальной системы. Дальнейшее усвоение информации о языке означает усвоение его грамматики как средства оперирования выражениями языка» [Павилёнис 1983: 100-102].

Аналогичное понимание соотношения непосредственного опыта пребывания в определенной культурной среде и языковой деятельности при образовании информации встречается и у А.В. Кравченко: «На определенном этапе развития организма его встраивание в среду (информирование) завершается в том смысле, что большая часть его возможных взаимодействий со средой уже репрезентирована совокупностью специфических состояний активности нервной системы (элементарных репрезентаций), и каждая новая репрезентация взаимодействия со средой активизирует существующую мнемоническую структуру, составным компонентом которой является элементарная репрезентация взаимодействия с определенным языковым объектом. Поскольку взаимодействие с концептами как сложными репрезентациями взаимодействий со средой осуществляется на уровне репрезентаций взаимодействий с языковыми объектами, входящих составной частью в сложные репрезентации, постольку система репрезентаций взаимодействий с языковыми объектами оказывает решающее влияние на общую структуру концептуальной (национальной) картины мира» [Кравченко 2001: 244].

Человек культуры живет в уже опредмеченном мире (по Ж. Пиаже), выступая одновременно и субъектом и объектом этого мира. В соответствии с концепцией Л.С. Выготского, реальный мир выступает перед человеком в «удвоенном» виде: как мир «вещей» и мир общественно выработанных знаний об этих вещах, как отображение этого мира в идеальных формах. Но, строго говоря, есть лишь единый мир, который выступает перед нами только таким, каким мы его представляем. «Удвоение мира» – это дань научной традиции, картезианскому противопоставлению внутреннего (ментального) мира субъективной реальности и внешнего (материального) мира объективной реальности.

Если идеальное во многом характеризует происхождение сознания, его природу (со-знание), т.е. является его онтологическим признаком, то «удвоение мира» – это подчеркивание признака представления, репрезентативности, который характеризует «работу» сознания и является его функциональным признаком: идеальные формы сознания могут выступать в функции *значений*. Репрезентативность как сущностная черта идеального при соответствующих гносеологических интенциях может стать «множителем» моего мира. Так, Е.С. Кубрякова, обосновывая семиотическую заданность когнитивных исследований, пишет: «Мы реально живем в мире

вещей и взаимодействуем с людьми вокруг нас. Мы тоже живем в мире языка, который предлагает нам увидеть и понять мир в терминах уже *означенной* и *ословленной* действительности. Но мы живем тоже и в мире знаков» [Кубрякова 2001: 33]. Однако мы живем все-таки только в «мире вещей», ориентируясь в нем с помощью своих представлений об этом мире, но именно отношение представления «удваивает» или «утраивает» мир. Знаки же, в том числе языковые, координирующие наши концептуальные схемы, – те же вещи «мира вещей»: «То, что мы привыкли называть языковым знаком (противопоставляя его тем самым знакам неязыковым), для Наблюдателя является таким же компонентом среды (ниши), как и любая другая сущность, с которой организм может вступать во взаимодействие» [Кравченко 2001: 215]. Ср.: «Слова речи – это знаки, т.е. те же вещи» [Колесов 2002: 365].

Исходя из сказанного, можно полагать, что денотатом (эмпирическим объектом) значения слова как вещи выступает звуковой комплекс. Денотатом «вещи» – соответствующий предмет, однако не просто предмет, но предмет в контексте культуры, как и звуковой комплекс в контексте высказывания, поскольку только в контексте системы, с одной стороны, и контексте конкретного функционирования, с другой, может происходить осмысление мира, т.е. порождение мыслей и формирование смыслов об этом мире.

Считается, что предметное значение относится к абстрактным объектам из рода гносеологических объектов: это идеальный представитель концепта как всего «объема» того, что мы знаем, чувствуем, переживаем по поводу того или иного эмпирического перцептивного объекта или абстрактного. При этом «гносеологический образ» – «есть субстантивация идеального качества сознания в рамках эпистемологии; в рамках же семиотики гносеологический образ – презентант, опять-таки характеризующий феномен сознательного, ибо в природе презентации нет, есть лишь замещение, к которому презентация не сводится, описывая лишь мир человеческой культуры со стороны смысла» [Тайсина 1995: 54]. Поскольку значение не дается нам в ощущениях, понятие «значение», равно как и «знак» может характеризовать познание и коммуникацию в качестве семиотических ситуаций, актов семиозиса.

Значение как идеальный представитель объекта познания, вид гносеологического образа направлен на свой объект, «привязан» к своему референтному уровню. Вопрос заключается в том, что выступает в качестве объекта, чем является «референтальный» уровень – миром эмпирических объектов или миром абстрактных объектов, в последнем случае перед нами значение знака. Т.е., «представление» как свойство идеальной формы вещи не есть специфическая черта собственно знака: любая идеальная форма может рассматриваться как единство плана выражения (объективированный субстрат) и плана содержания (представления о данной вещи).

При этом в план содержания не включается вся концептуальная структура (совокупность знаний, умений, отношений и т.п.), но проявляется, презентуется в той степени, в какой она обусловлена конкретной ситуацией жизнедеятельности. Таким образом, становится правомерным распространение следующего положения Э.А. Тайсиной на все значения: «Механизм превращения ощущения (восприятия, представления) в понятие, гносеологического образа – в значение знака мы называем *сигнификативным лифтом*. Возвышение степени абстрактности и обобщенности сопровождается отсечением затемняющих, случайных, экзотических одиночных средств и сторон объекта, *пресциссией* (термин Ч.С. Пирса)» [Тайсина 1995: 57].

На этом основании можно заключить, что предметным значением («идеальной» стороной) «вещи» выступает представление какого-либо свойства, качества, отношения данного эмпирического объекта. Отсюда возникает серьезная гносеологическая задача: при анализе знака разграничить в нем то, что обусловлено его «субстанцией» (собственной спецификой, признаками и свойствами), и то, что «перенесено» на него и преобразовано в нем. Иначе говоря, отделить предметное значение знака как эмпирического объекта от его связи с другим значением или другим абстрактным объектом, т.е. не отождествлять, что, к сожалению, наблюдается практически очень часто, два типа соотношений: *означающее / означаемое знака* и *план выражения / план содержания знака*. Предметное значение знака как эмпирического объекта не только отображает какие-либо его «собственные» свойства, но и является своеобразной «установочной базой» для создания «знакового» значения как апелляции к иной области представлений, связанных с иными «вещами».

Таким образом, «знаковое» значение (означаемое) языкового выражения не есть его содержание (предметное значение), но апелляция к этому содержанию, вектор, связывающий посредством предметного значения языкового выражения его экспонент (означающее) с одинаковыми представлениями о мире (абстрактными объектами области со-знания) взаимодействующих людей. Значение языкового выражения как знака есть результат означивающей деятельности людей (сигнификация действительно предшествует выражению), что позволяет в общении устанавливать область взаимодействия, ее границы, экстерииоризируя соответствующие ментальные структуры образа мира.

Однако неразличение двух значений языкового знака (обычно слова) приводит к тому, что языковое выражение отождествляется с теми смысловыми конфигурациями, к которым оно апеллирует: языковые выражения становятся «вместилищем» драгоценного опыта познания человеком мира, превращаются в «носителей информации», застывшие глыбы знаний фрагментов образа (картины мира), предстают самодостаточными сущностями, не нуждающимися по большому счету в человеке как активном познающем субъекте.

Понимание языка как системы ориентиров, на наш взгляд, дезавуирует теоретические трактовки языка как системы готовых знаков, поскольку лишает языковой знак (слово) «содержания» как означаемой области представлений о мире, позволяя тем самым более строго определить сущность значения такой языковой единицы, как слово, на основе соотношения его предметного значения, обусловленного свойством презентации, и знакового, вызванного потребностями репрезентации, собственно указанием на область актуализированных смыслов. Кстати, исследования лексического значения слова неизбежно (но неявно) опираются на учет грамматических значений, более того, их системы в определенном языке, а также на корреляции плана выражения не с планом содержания, а с означаемым анализируемого слова.

Соответственно, можно утверждать, что актуализация значения иницирует мысль, а результатом мысли становится *смысл*. Это формы идеальной природы, но качественно и функционально различные. В плане соотношенности значения и смысла необходимо, вслед за А.А. Леонтьевым подчеркнуть, что значение – это любая форма социального закрепления и кодификации деятельности, существующая также и в сознании. Со значением соотносятся личностные смыслы как форма включенности значения в концептосферу.

Значения языковых выражений как апелляция к социально закрепленным конфигурациям смыслов определяют *параметры* концептуализации мира определенным социумом, но не являются собственно формируемыми концептами. Иначе говоря, знаковые значения языковых выражений устанавливают границы содержания (означаемого) концептов сознания каждого члена данного лингвокультурного сообщества, ассоциируемые с языковым знаком.

Литература

1. Колесов В.В. Философия русского слова. СПб.: ЮНА, 2002.
2. Кравченко А.В. Знак, значение, знание. Очерк когнитивной философии языка. Иркутск, 2001.
3. Кубрякова Е.С. Размышления о судьбах когнитивной лингвистики на рубеже веков // Вопросы филологии. 2001. № 1 (7). С. 28-34.
4. Леонтьев А.А. Язык и речевая деятельность в общей и педагогической психологии: Избранные психологические труды. М., Воронеж, 2001.
5. Павлиёнис Р.И. Проблема смысла: современный логико-философский анализ языка. М.: Мысль, 1983.
6. Тайсина Э.А. Некоторые концептуальные дополнения к исследованиям проблемы значения // Философия языка и семиотика. Иваново, 1995. С. 53-62.